

Какъ будто великїи критикъ написалъ эту универсальную, проникнутую широкимъ альтруизмомъ программу жизни ни для кого иного, какъ для великаго писателя русской земли.

И вотъ всему образованному міру, на порогѣ двадцатаго вѣка, явилъ себя человѣкъ, задачей котораго сдѣлалось добываніе жизни, какъ онъ ее понималъ. Вѣрнѣе, какъ понимали ее религиозно настроенные моралисты всѣхъ временъ, начиная съ Сакіа-Муни. Этотъ человѣкъ отбросилъ всѣ предрассудки и дѣлалъ то, что подсказывала его совѣсть... Такой человѣкъ всегда импонируетъ.

Иной разъ глядишь: люди плачутъ, слушая великаго проповѣдника, и затѣмъ утѣшаются, когда видятъ, что послѣ огненныхъ словъ, въ своей обыденной жизни, онъ становится въ противорѣчіе съ тѣмъ, что говорилъ.

Мы какъ-то привыкли къ этой раздвоенности. Поэтому мы мало вѣримъ словамъ, но только дѣлаемъ.

Толстой же не только искалъ, но, обрѣтая, сейчасъ же и примѣнялъ найденное къ дѣлу. Это былъ громадный опытъ человѣка надъ своей собственной жизнью.

Мысль есть начало дѣйствія, сказалъ одинъ современный французскій философъ. Толстой же всегда хотѣлъ, чтобы его мысль была не только началомъ дѣйствія, но тотчасъ же воплощалась въ дѣйствіе. Овсюду, быть можетъ, выходили и тѣ видимыя противорѣчія, въ которыя впадалъ писатель. Онъ осуществлялъ на виду у всѣхъ, реализировалъ въ факты такія мысли, которыя другіе люди облекаютъ лишь въ слова. Поэтому приходилось дѣлать часто иное тому, что дѣлалось раньше, соотвѣтственно чуждости ума и новымъ размысленіямъ.